ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ: СОВМЕСТНОСТЬ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Обзорная статья
УДК 30+17.026.2 + 572 + 59 + 111.1:316 + 316.6 — 027.22
DOI 10.15826/koinon.2024.04.4.024

КАК ПОНИМАТЬ — «ВМЕСТЕ»?

Дарья Алексеевна Томильцева
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
daria.tomiltseva@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9264-9680

Аннотация. Данная статья является предисловием к специальному выпуску журнала «Koinon». В статье предлагаются различные точки зрения на репрезентацию человеко-животной совместности. Через постановку трех вопросов «что это — “вместе”?», «как это — “вместе”?», «с кем это — “вместе”?» высвечиваются сложившиеся на сегодняшний день в философско-гуманитарных науках варианты представления совместного бытия человека и животных. В результате мы имеем три теоретико-методологических стратегии: 1) исходящую из единства людей и животных; 2) исходящую из практик организации совместности, складывающихся между людьми и животными; 3) исходящую из гетерогенной сборки множественных объектов и актантов, взаимоопределениях друг друга.

Ключевые слова: люди, животные, человеко-животное взаимодействие, совместность, социальная сборка, практики взаимодействия

Для цитирования: *Томильцева Д. А.* Как понимать — «вместе»? // Koinon. 2024. Т. 4, № 4. С. 40–47. https://doi.org/10.15826/koinon.2024.04.4.024

© Томильцева Д. А., 2024

Review article

HOW DO ONE MEAN "TOGETHER"?

Daria A. Tomiltseva
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
daria.tomiltseva@urfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-9264-9680

Abstract. This article is a preface to a special issue of the journal "Koinon". The article offers different research positions on the representation of human-animal coexistence. By posing three questions "what is it — together?", "how is it — together?", "with whom is it — together?" the options for representing the coexistence of humans and animals that have developed to date in the philosophical and humanitarian sciences are revealed. As a result, we have three theoretical and methodological strategies: 1) based on the unity of humans and animals; 2) based on the practices that develop and organize coexistence between humans and animals; 3) based on a heterogeneous assemblage of multiple objects, and actants, mutually defining each other.

Keywords: people, animals, human-animal interaction, compatibility, social assembly, interaction practices

For citation: Tomiltseva, D. A. (2024). Kak ponimat' — «vmeste»? [How do One Mean "Together"?]. *Koinon*, 4, 4, 40–47. https://doi.org/10.15826/koinon.2024.04.4.024

«Вместе: люди и животные». Как понимать это «вместе»? Есть по крайней мере несколько смыслов, неотделяемых и неразличимых на практике, но расчерченных высокими «заборами» дисциплинарных ограничений: социальный, антропологический, этический, биологический…

Давайте, поставим три вопроса: «что это — вместе?», «как это — вместе?», «с кем это — вместе?». Казалось бы, все они с разных сторон обращаются к одному и тому же — к совместности, о которой и говорит название нашего номера. Однако нам следует обратить внимание на те смысловые и теоретико-методологические акценты, которые данные вопросы высвечивают. Итак, три вопроса и три смысла, рассмотрим их подробнее.

Первый вопрос. Когда мы говорим: «что это — вместе?», то предполагаем определенное единство, исходя из которого силимся понять его составные части. Есть некая целостность людей и животных. Допустим, они что-то делают: потребляют ресурсы, противостоят инопланетному нашествию, эволюционируют… (Тут можно предлагать все, что угодно.) Единство преподносится нами (или нам) как данность, остается только узнать его составные части. На основании чего мы проводим разделение между нами — людьми и животными? Что нам даст

такое знание, если мы сможем указать пальцем, подписать, наклеить ярлык — «вот это в совместности — люди, а вот то — животные»? Единство в таком случае означает большее, нежели его составляющие. Части нужны только для того, чтобы понять именно его, именно указанное «вместе», и только для этого требуется искусственно, вторично его разделить на части. Различия между людьми и животными лежат вне этого единства. Они по большому счету — вторичны и несущественны. Пожалуй, многие формы морализации «человеко-животных» отношений выстраиваются именно на таком единстве. В качестве примера подобного рода аргументации рассмотрим тезис Питера Сингера: «... между людьми и другими животными есть значительные различия, и из этого должны вытекать некоторые различия в их правах. Признание этого очевидного факта, однако, не мешает распространить базовый принцип равноправия на других животных. <...> Распространение базового принципа равноправия с одной группы на другую не предполагает, что мы должны совершенно одинаково относиться к обеим группам или наделять их абсолютно одинаковыми правами. Всё зависит от того, кто входит в эти группы. Базовый принцип равноправия не подразумевает равного или идентичного обращения с группами; он подразумевает равное внимание к ним. Равный учет интересов разных существ вполне может вести к разному обращению с ними и различным правам» [Сингер, *24–25*]. Как следует из данного примера, принцип равноправия — необходимое основание совместности, его положения позволяют утверждать и учитывать различия между людьми и животными, а также существующие дифференциации внутри каждой из групп. Кроме того, он обосновывает нормативные рамки морального рассмотрения. Альтернативной возможностью описать единство будет представление теологического обоснования, исходя из которого выстраиваются религиозные моральные предписания (людям) относительно животных. Концептуализация совместности такого рода может выстраиваться и вокруг вопроса об антропоморфизме, где в фокусе рассмотрения оказывается вопрос о представлении антропоморфизма в качестве основания для объяснения совместности или утверждения различий.

Второй вопрос. «Как это — вместе?» Допустим, единства нет, оно не является необходимым онтологическим основанием совместности. Но тем не менее совместность наличествует как некая фактическая данность. Поставленный вопрос, следовательно, о том, как совместность вообще возможна. И тут нас поджидают многочисленные траектории ответов: онтологическое решение, коренящееся в основании совместности (оно может привести к тому самому единству, о котором говорилось выше); антропологическое решение в описании практик и техник совместности (не будем задаваться онтологическим вопросом, самого факта совместности достаточно для того, чтобы мы не сомневались в ее существовании, лучше подумаем, почему возникает совместность, что нужно предпринять для утверждения совместности и т. д.); психологическая

или этологическая (аффективная) фиксация чувств, эмоций, поведения, во всех тонкостях описывающая причины, формы и типы организации совместности; наконец политический контекст, идеологическое обоснование, историко-культурное объяснение, направленные на поиски причинно-следственных связей, коллекционирование человеческого опыта и трансформацию в обращении с телами животных. Здесь всё как будто бы очевидно: есть одни и другие, их разность не нивелируется и не является вторичной, однако сама по себе она не оказывается исследовательской проблемой. Например, описание практик совместности, осуществляемых в рамках зооантропологии, можно отнести к попыткам ответить именно на вопрос о том, как «вместе» осуществляется сейчас и становится в исторической перспективе[1].

На схожих основаниях выстраивается и изучение взаимоотношений людей и животных в рамках политической[2] и критической социальной теорий, утверждающих базовые принципы морально-корректного представления отношений людей и животных. Так, у К. Крыловой можно найти следующее пояснение: «…при описании этичных взаимоотношений нечеловеческих животных и людей я стараюсь использовать слова, отвечающие стандартам уважительного отношения к другим формам жизни. Такой стандарт распространен в научных дисциплинах, занимающихся вопросами благополучия животных. <…> Также этот стандарт рекомендует использовать такие фразы как “нечеловеческие животные”, “люди и другие животные”, так как человек тоже является животным и представляет собой класс млекопитающих. <…> Для определения роли людей в отношениях с животными-компаньонами уместным термином считается опекун (guardian, keeper или caregiver), а не “владелец” или “хозяин”» [Крылова, *9*]. Совместность людей и животных кардинально переопределяется в том числе на уровне языковых практик и призывает к пересмотру «традиционных» межвидовых властных отношений. Приведем другой пример: попробуем представить промышленное животноводство в биополитическом ракурсе. В этом случае мы переоткроем очевидное, но не всегда рационально нами артикулированное: животноводство — это буквально производство нечеловеческих тел, превращение их в ресурсы и распределение этих ресурсов. Прежде чем животное превратится в еду, кожу, мех и т. д., оно

---

[1] См. например: «Да, верно, что в советские годы к дорогим породистым псам и балованным комнатным собачкам отношение у многих людей было недоуменно-презрительное. Но дело ведь не только в том, что советские люди были навсегда травмированы несколькими страшными годами «военного коммунизма»... <…> Главное <…>: народ недолюбливал собак породистых. И так было всегда, задолго до революции... <…> ...Народ за последние десятилетия кое в чем изменился: живет преимущественно в городах, держит в квартирах и кошек, и собак, угощает их покупными деликатесами. И любит» [Коршунков, Коршункова, 146].

[2] В этой связи нельзя не упомянуть книгу Л. Груэн «Этика и животные: Введение», одну из лучших и комплексных работ в данном направлении [см.: Груэн].

должно кому-то принадлежать. Эта принадлежность и сама жизнь регулируются экономическими соображениями и государственным квотированием. Если производителю не выгодно сделать так, чтобы тело свободно воспроизводило само себя или могло выживать вне специально разработанной инфраструктуры (на радость конкурентам) — он предпримет для этого все возможные средства. Корма, вакцины, биодобавки, репродуктивные материалы более не имеют отношения к поддержанию существования и повышению уровня благополучия животного (или растения), они решают экономические задачи, в которых такое свойство целостного организма как «быть живым» оказывается скорее досадной помехой эффективного производства[3].

Итак, вариантов ответа на вопрос «как это — вместе?» существует великое множество, и, пожалуй, в настоящее время это одно из самых продуктивных исследовательских направлений в области человеко-животной совместности.

Третий вопрос. Когда возникает вопрос «С кем это — вместе?», то наилучшим способом ответа на него было бы обращение к понятию «сборки» как совокупности человеческих и нечеловеческих сингулярностей. Человек и животное, и даже техника (тут она не является лишним элементом совместности), не предшествуют сборке в качестве самотождественных идентичностей, а самоопределяются и идентифицируются в процессе собирания, в связях с другими сингулярностями.

Допустим, мы — люди, но кто те самые сосуществующие с нами «они», благодаря которым мы можем идентифицировать себя как людей. Или, наоборот, речь заходит о животных, об определенных видах животных, и вот уже начинается некоторая человеческая сегментация, ведь абстрактные люди не строят совместности с абстрактными животными: горожанин и кот-компаньон, фермер и корова, работник музея и домовые мыши, человек с уязвимым телом и кровососущее насекомое… Эти «ролевые пары» взаимоопределяют друг друга, включают в свою сеть отношений что-то еще: потребности в охоте, доильный аппарат, ловушки от грызунов… Почти каждый вид животных имеет некоторый опыт совместности с людьми определенных сфер деятельности или телесных качеств. И почти каждая сфера человеческой деятельности на протяжении тысячелетий имела дело с различными видами животных, становилась и развивалась благодаря этому взаимодействию (хочется заметить — до тех пор, пока некоторые виды животных не были технизированы, заменены или вытеснены техникой).

Отношения такого рода можно трактовать в антропологическом ключе (мы уже писали об этом выше), а также в экологическом, биолого-этологическом,

[3] Последняя мысль выстраивается на аналогии с провокационным тезисом, сформулированным Дж. Климан в книге «Секс без людей, мясо без животных». Исследовательница говорит о том, что для современных технологий наблюдения беременности тело матери оказывается скорее препятствием для полного контроля за развитием эмбриона [см.: Климан 2022].

социологическом и т. д. Всё зависит от того, какой теоретико-методологический ракурс будет выбран. К примеру, почему бы не рассмотреть совместность в рамках акторно-сетевой теории? В таком случае нам предстоит пройти некоторую методологическую процедуру, исключающую моральное предписание в качестве первичного условия совместности, но выводящую его как всего лишь один из возможных факторов установления человеко-животной связности на ряду с технологиями, природными условиями и т. д. Так, у М. Каллона мы можем найти следующее пояснение: «…свободное связывание. Наблюдатель должен отказаться от всех априорных различий между природными и социальными событиями, отвергнуть гипотезу об определенной границе, разделяющей их. Эти разделения считаются конфликтными, так как являются результатом анализа, а не его отправной точкой. Затем наблюдатель должен учесть, что используемый им репертуар категорий, мобилизованные сущности и отношения между ними — все эти темы являются дискуссионными для акторов» [Каллон, *58*].

Другой возможной теоретико-методологической установкой для исследования вопроса «с кем это — вместе?» была бы переход на объекто-ориентированные и плоские онтологии. Здесь важно сделать уточнение: введение множественных факторов, и в частности — технологических, для описания человеко-животной совместности вовсе не означает того, что мы сделаем совместность опосредованной технологиями или порождаемой ими, и эту опосредованность или порождаемость возведем в ранг универсального объяснения. Феномен «вместе» в данном случает проявляется посредством некоторых конструктов разной степени долговременности, для формирования которых все участники должны быть взаимоопределены и взаимоописаны, а значит, их самотождественность возможна только в контексте других объектов или актантов. Более того, смена конфигурации предполагает и реидентификацию участников относительно друг друга. Люди и животные в этом случае не едины перед лицом некоторого другого, не едины в плане воспроизводства некоторых устойчивых форм совместности, но становятся частичками прихотливых организующих процессов. Некоторые формы объединения мы при таком рассмотрении называем естественными и привычными (что в другом ракурсе рассмотрения могло бы быть объяснено предзаданным трансцендентальным порядком), скажем, «традиционная» сборка «собака — территория двора — охрана — будка» и т. д., тогда как другие конструируем целенаправленно и сталкиваем искусственно и воспринимаем как неестественные.

Так, в 2021 г. группа ученых из Университета Бен-Гуриона провела любопытное исследование, позволившее золотым рыбкам передвигаться по суше, управляя роботизированным аквариумом на колесах. Действия рыбок было целенаправленным: они решали задачу, стремясь «к визуальной цели в наземной среде, которую можно было наблюдать через стенки резервуара» [Givon,

Samina, Ben-Shahar, Segev]. В ходе эксперимента испытуемые (всего было задействовано шесть рыб) «действительно могли управлять транспортным средством, исследовать новую среду и достигать цели независимо от отправной точки, избегая при этом тупиков и исправляя неточности местоположения» [Там же]. Для тех, кто не является биологом, нейроисследователем и не изучает поведение животных, скорее всего, данная новость покажется этакой занятной диковинкой. Слишком уж многое в проведенном эксперименте не вписывается в рамки обыденных представлений о реальности, иными словами, мы имеем дело с неестественным как оно есть. Если попробовать это «неестественное» описать и подобрать критерии для его определения, то в результате мы окажемся перед тремя невозможными в повседневной жизни утверждениями: о среде — «рыба двигается по суше», даже «рыба движется в воде по суше», о технике — «рыба управляет роботом» и о когнитивных способностях — «рыба учится». До недавнего времени отрицание каждого из приведенных утверждений казалось само собой разумеющимся, ведь оно касалось невозможного, которое авторы данного исследования последовательно опровергли. Неестественное — это некоторая внешняя оценка сборки, в действительности ничего не говорящая об открывающихся и становящихся актуальными свойствах актантов и объектов. Человеко-животная совместность, рассматриваемая в рамках вопроса «с кем это — вместе?» позволяет по-новому взглянуть на «привычное» и существенно расширить горизонты нашего — человеко-животного — взаимоопределения.

Нетрудно заметить, что во всех трех вопросах, описанных выше, мы представляли не просто варианты проблематизации, но и ряд теоретико-методологических позиций, в рамках которых работают современные исследователи животных социально-гуманитарной направленности. Было бы ошибкой заставлять кого-то (или самих себя) выбирать исключительно один из вариантов, объявляя его правильным и клеймя другие как несостоятельные. Каждый из них позволяет сделать уникальный срез реальности человеко-животной совместности, описать ее качества и особенности, позволить приобрести новые знания и выработать уникальные моральные и политические решения.

В представляемый вашему вниманию тематический выпуск журнала «Koinon», озаглавленный: «Вместе: люди и животные» вошли статьи, раскрывающие целый спектр методологических и проблематических направлений исследований человеко-животных отношений. Данные статьи очень разные и по стилю написания, и по выбору предмета своего анализа. От религиозных традиций до политической теории, от феноменологии до неомарксизма, под разными углами преломления исследовательской оптики наша человеко-животная совместность приоткрывается в самых причудливых формах своего проявления. Надеемся, что данный номер будет интересен читателям, и мы обязательно выпустим продолжение.

Список источников

Груэн Л. Этика и животные: Введение. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2024.
Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие // Логос. 2017. Т. 27,·№ 2. С. 49–94.
Климан Дж. Секс без людей, мясо без животных. М. : Individuum, 2020.
Коршункова В. А., Коршункова А. В. «Позавидовала кошка»: отношение к домашним животным в России в XVIII — начале XX века (культурно-исторические и зооантропологические аспекты) // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2 (22). С. 139–150.
Крылова К. Рынок удобных животных. М. : Новое литературное обозрение, 2023.
Сингер П. Освобождение животных. М. : Синдбад, 2021.
Givon S., Samina M., Ben-Shahar O., Segev R. From Fish out of Water to New Insights on Navigation Mechanisms in Animals // Behavioural Brain Research. 2022. Vol. 419. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166432821005994?via%3Dihub (дата обращения: 01.10.2024).

References

Gruen, L. (2024). *Etika i zhivotny'e: Vvedenie* [Ethics and Animals: An Introduction] Moscow: Izdatel'skii dom Vy'sshei shkoly' ekonomiki.
Callon, M. (2017). Nekotory'e elementy' sociologii perevoda: priruchenie morskih grebeshkov i ry'bolovov buhty Sen-Briyo [Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saintbrieuc Bay]. *Logos*, 27, 2, 49–94.
Kleeman, J. (2020). *Seks bez lyudei, myaso bez zhivotny'h* [Sex Robots & Vegan Meat. Adventures at the Frontier of Birth, Food, Sex & Death]. Moscow: Individuum.
Korshunkov, V. A., Korshunkov, A. V. (2021). "Pozavidovala koshka": otnoshenie k domashnim zhivotnym v Rossii v XVIII — nachale XX veka (kul'turno-istoricheskie i zooantropologicheskie aspekty') ["The Cat Envied the Dog's life":The Attitude Towards Domestic Animals in Russia in the 18th — Early 20th Centuries (Cultural, Historical and Zooanthropological Aspects)]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, 2 (22), 139–150.
Kry'lova, K. (2023). *Ry'nok udobny'h zhivotny'h* [Handy Animal Market]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
Singer, P. (2021). *Osvobozhdenie zhivotny'h* [Animal Liberation]. Moscow: Sindbad.
Givon, S., Samina, M., Ben-Shahar, O., Segev, R. (2022). From Fish out of Water to New Insights on Navigation Mechanisms in Animals. *Behavioural Brain Research*, 419. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166432821005994?via%3Dihub (accessed: 01.10.2024).

Статья поступила в редакцию 03.09.2024;
одобрена после рецензирования 15.09.2024;
принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 03.09.2024;
approved after reviewing 15.09.2024;
accepted for publication 01.10.2024

Информация об авторе

Томильцева Дарья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about author

Daria A. Tomiltseva — Cand. Sci (Philosophy), associate professor Department of Social Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia